

УДК 82-31
ББК 84(0)6
Л97

THIS TIME IT'S REAL
by Ann Liang

Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency
при содействии литературного агентства Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Алины Забияки*
Иллюстрация на обложке *Анны Нестеровой*
Дизайн макета и обложки *Анны Анциферовой*

Лян, Э.
Л97 В этот раз по-настоящему : [роман] / Энн Лян; [пер. с англ. А. Забияки]. —
Москва : Строки, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-00216-141-6

Элиза Линь просыпается знаменитой, теперь она — автор самого популярного поста об отношениях. Социальные сети взрываются от количества лайков и комментариев, одноклассники обожают Элизу и хотят с ней дружить, а уважаемый в писательских кругах журнал «Крейнсвифт» желает заполучить ее на стажировку. Вот оно, исполнение заветной мечты!

Но. История любви Элизы выдумка от начала и до конца.

Чтобы сохранить секрет, Элиза заключает «стратегически выгодное и романтически ориентированное» соглашение с главным красавчиком школы — актером Кэзом Сонгом. Элиза поможет ему написать вступительное эссе, если Кэз притворится ее парнем.

План идеален, что может пойти не так?

УДК 82-31
ББК 84(0)6

ЧИТАЙТЕ В СТРОКАХ



ISBN 978-5-00216-141-6

© 2024 by Ann Liang.
© Забияка А., перевод, 2024.
© Нестерова А., иллюстрация, 2024.
© Издание на русском языке,
оформление. Строки. 2024.

Всем циникам,
которые до сих пор тайно
верят в любовь

Глава первая

Как только я начинаю переодеваться в школьную форму, замечаю, что за окном моей спальни парит мужчина.

Я делаю шаг к окну, все еще сжимая в руке юбку и чувствуя, как бьется пульс в ушах, и понимаю: парит — неправильное слово. Мужчина болтается. Его туловище подвешено на двух металлических тросах, которые выглядят опасно тонкими, — учитывая, что мы на двадцать восьмом этаже, а летний ветер в полдень дует особенно сильно, закручивая листву и пыль в мини-торнадо.

Качаю головой, недоумевая, с какой стати кому-то понадобилось делать подобное. Что это — новый экстремальный вид спорта? Посвящение в банду?

А может, кризис среднего возраста?

Мужчина ловит мой растерянный взгляд и приветственно взмахивает рукой — можно подумать, ему не грозит свободный полет до земли из-за неисправной страховки, ослабленного узла или особо агрессивной птицы. А затем — все так же непринужденно — вытаскивает из кармана мокрую тряпку и принимается тереть разделяющее нас стекло, оставляя разводы белой пены.

Ну да. Конечно.

Мои щеки вспыхивают. Меня не было в Китае столько времени, что я совершенно забыла: так моют окна жилых многоэтажек. Точно так же у меня вылетело из головы, как работают линии подземки, или что нельзя смывать туалетную бумагу, и что торговаться можно только в определенных магазинах, иначе рискуешь показаться нищим или скрягой. Столько всего изменилось за те двенадцать лет, которые я и моя семья провели за океаном: местные, например, больше не пользуются наличкой.

Серьезно, на прошлой неделе я попыталась дать официантке сто юаней одной купюрой, и она посмотрела на меня так, словно я путешественница во времени, прямиком из семнадцатого века.

— Эй... привет. Элиза? Ты все еще там?

Я едва не ударяюсь об угол кровати, пока в спешке пытаюсь пробраться к ноутбуку, стоящему на двух картонных коробках с пометками «НЕ ОСОБО ВАЖНОЕ БАРАХЛО ЭЛИЗЫ» — распаковать их руки у меня пока не дошли, в отличие от коробки с «ОСОБО ВАЖНЫМ БАРАХЛОМ». Ма думает, что в моей системе маркировки есть пробелы, зато вот в неумении расставлять приоритеты меня точно не упрекнешь.

— Э-ли-за?! — Голос Зои — до боли знакомый даже сквозь динамики — становится громче.

— Да тут я, тут, — откликаюсь я.

— О, хорошо, потому что я не вижу ничего, кроме очаровательной пустой стены. Кстати говоря... Когда ты украсишь свою комнату хоть чем-нибудь? Три месяца прошло, а она до сих пор выглядит как отель. То есть, конечно, весьма милый отель, но...

— Это осознанный выбор! Знаешь, минимализм, все такое.

Она фыркает. Врать я умею отлично, но проблема в том, что Зои отлично умеет на мою ложь не вестись.

— Да ладно?

— Конечно, почему нет, — продолжаю я и поворачиваю ноут к себе. На левой части экрана — эссе к уроку английского и миллиард вкладок «как написать правдоподобную сцену поцелуя тому, кто ни разу не целовался»; на правой — очаровательно ухмыляющееся лицо моей лучшей подруги.

Зои Сато-Мейер восседает у себя на кухне, на ее хрупких плечах любимый твидовый жакет. Собранные в высокий хвост тяжелые черные локоны подсвечены лампами люстры, находящейся у нее за головой, и этот «нимб» придает Зои вид стильного семнадцатилетнего ангела. Кромешная темнота в окнах позади нее и упаковка дымящейся быстрорастворимой лапши на кухонной стойке (так подруга представляет себе ночной перекус) — единственные подсказки, что прямо сейчас в Лос-Анджелесе ближе к полуночи.

Я настраиваю камеру ноутбука.

— О боже мой! — Взгляд Зои скользит к моей поношенной блузке в горошек. — Поверить не могу, что эта кофта до сих пор с тобой! Это та, которую ты носила еще в восьмом классе?

— Ну и что? Она удобная, — говорю я, и это чистейшая правда. Но кажется, правда и то, что эта поношенная блузка — одна из немногих вещей, оставшихся неизменными в шести разных странах и двенадцати школах.

— Ладно, ладно! — Зои поднимает руки вверх. — На вкус и цвет... Но тебе не кажется, что стоит поработать

над стилем? Хотя можешь приберечь эту вещицу для будущих родительских собраний...

Мое внимание привлекает юбка с непривычным логотипом, вышитым на жесткой, напоминающей пластик ткани: «ПЕКИНСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА “УЭСТ-БРИДЖ”». В животе закручивается узел.

— Угу... — бормочу я. — Мне и правда пора сменить имидж.

Мойщик окон по-прежнему снаружи, так что я задерживаю шторы — но успеваю бросить взгляд на раскинувшийся внизу жилой комплекс. Хотя место и называется «Лазурное озеро», голубого цвета среди аккуратных рядов построек и ухоженных газонов очень мало, но зато полно зеленого: искусственное озеро в центре комплекса и прилегающие к нему пруды с лотосами; просторное поле для мини-гольфа и теннисные корты у парковки; пышная трава вдоль посыпанных галькой дорожек и деревья гинкго. Когда мы только заселились, район напомнил мне модный курорт, и в этом есть доля истины — вряд ли мы останемся здесь дольше, чем на год.

Пока я влезаю в форму, Зои щелкает пальцами и говорит:

— Напомни-ка мне, зачем ты пишешь о несуществующем парне?

— Не пишу. Уже написала, — поправляю я, натягивая рубашку через голову. — Работа сдана. У меня не было никакого желания выдумывать историю об идеальных отношениях, но о чем еще... — Прерываюсь, чтобы высвободить длинную прядь иссиня-черных волос, запутавшихся в пуговицах блузки. — Это задание сдаем сегодня, и это часть итоговой работы, так что... сама знаешь. Пришлось проявить изобретательность.

Зои снова фыркает — на этот раз так громко, что микрофон трещит.

— Ты в курсе, что в таком эссе обычно пишут правду, да?

— Нет, — говорю я невозмутимо. — Нельзя врать в эссе о себе? Офигенно! Я в шоке. Вся моя жизнь — ложь.

Честно говоря, я не просто так решила превратить серьезное домашнее задание в романтическую историю на четыре тысячи слов. Просто оно предполагало рассказ о личном. Всему виной глупый роман, который мы изучали в первую неделю занятий: «В книге “Когда соловьи запели в ответ” говорится, что у Люси и Тейлора есть собственный тайный язык, которого никто больше не знает. С кем у вас общий тайный язык? Как он сформировался? Что этот человек значит для вас?»

И если бы дело было только в этом, я, возможно, стиснула бы зубы и написала лишь слегка приукрашенный текст об одном из родителей, или о моей сестренке, или о Зои... только вот мы должны опубликовать законченное сочинение в блоге школы «Уэстбридж». То есть на публичной платформе, где кто угодно — любой одноклассник, для которого я Новенькая или Та-что-недавно-переехала-из-Штатов, — сможет увидеть его и оставить комментарий.

Ни за что не стану делиться подробностями своих отношений с близкими. Даже в вымышленном тексте некоторые детали кажутся слишком уж откровенными: например, как я водила пальцами по линиям ладони вымышленного парня, делилась секретами в полутьме, говорила, что он для меня целый мир, что с ним я чувствую себя дома.

— ...вообще не волнуешься, что в школе могут... ну не знаю, прочесть эссе и потребовать рассказать о твоём парне больше? — не сдаётся тем временем Зои.

— Я всё предусмотрела, — утверждаю я, снова распахивая шторы. Комнату мгновенно заливают светом, крохотные пылинки плавают перед теперь уже пустым окном. — Я не называла имен, так что никто не сможет выследить этого вымышленного парня. К тому же я написала, что встретила его три месяца назад, пока родители искали квартиру, — весьма правдоподобно, и никаких намеков на то, в какую школу он ходит. И раз уж мы вместе недавно и не хотим торопить события, нам нравится встречаться тайно. Видишь? — Я встаю перед камерой и обвожу руками воздух. — Элементарно!

— Вау! — Зои делает вдох. — Вот это уровень подготовки! — говорит она, раздражённая и заинтригованная одновременно. — И всё ради того, чтобы не писать правду?

— Таков план.

Следует краткая пауза, нарушаемая лишь чавканьем Зои, которая всасывает лапшу по ту сторону экрана, и стуком шагов за дверью моей комнаты. Затем подруга вздыхает и как-то слишком обеспокоенно спрашивает:

— У тебя точно всё хорошо в новой школе? Ты... э-э-э... осваиваешься?

— Что? — Её тон мне не нравится. Я чувствую, как внутри всё замирает, а мышцы напрягаются, будто в ожидании удара. — А почему... почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. — Зои дергает плечом, её «конский хвост» подпрыгивает в такт движению. — Просто... чувствую.

От неловкого разговора меня спасает оклик Ма, который доносится из холла с громкостью, куда более уместной для поисково-спасательных миссий:

— Ай-Ай! Водитель ждет!

Ай-Ай — мое китайское прозвище, которое можно перевести как «любовь». Если исключить вымышленные отношения, не могу сказать, что соответствую ему.

— Иду! — кричу я в ответ, затем оборачиваюсь к экрану. — Надо бежать.

Зои ухмыляется, и я выдыхаю, испытывая облегчение от того, что наш разговор по душам не состоится.

— Ага, думаю, это слышала вся планета. Передавай маме привет от меня.

— Хорошо. — Прежде чем выключить ноут, я складываю сердечко из большого и указательного пальцев (жест только для Зои, ни для кого больше!). — Скучаю по тебе.

— А я по тебе. — Зои посылает мне воздушный поцелуй, и я смеюсь.

Тугой узел в животе немного ослабевает. С тех пор как два года назад я уехала из Лос-Анджелеса, мы завершаем каждый звонок именно так — и неважно, насколько мы заняты или устали, как долго говорили или как много времени пройдет, прежде чем нам удастся поболтать снова.

Скучаю по тебе.

Конечно, это не сравнится с ночевками у нее дома, где мы валялись на диване в пижамах, пока на ноутбуке был включен какой-нибудь сериал «Нетфликса», а между нами из рук в руки передавалась тарелка приготовленных ее мамой рисовых шариков. И уж точно не сравнится с нашими поездками на пляж по воскресеньям, где калифорнийское

солнце припекало кожу, а ветер развеивал спутанные солью волосы... Разумеется, нет.

Но сейчас и этого маленького простого ритуала достаточно.

Потому что это *наше*.

Водитель припарковал машину сразу за жилым комплексом, в пятнистой тени ивы.

Формально Ли Шушу* не наш семейный водитель, а мамин — преимущество занимать руководящую должность в суперпрестижной международной консалтинговой компании, побочный эффект — «прости-что-заставляю-тебя-переезжать-с-места-на-место-почти-каждый-год!». И поэтому, выскочив из автомобиля, Ли Шушу приветствует Ма первой.

— Юй-ньюши, — говорит он, с легким поклоном открывая для нее дверцу. «Мадам Юй».

Подобная обходительность, даже по отношению к кому-то другому, каждый раз вызывает у меня необъяснимый дискомфорт, однако Ма просто улыбается водителю и грациозно садится в машину. Глядя на нее в этот момент — фарфоровая кожа, солнцезащитные очки, идеально сидящий костюм и безупречная стрижка, — ни за что не догадаешься, что она росла в бедном провинциальном городке, отвоевываая еду у шести братьев и сестер.

Остальные втискиваются на заднее сиденье в обычном порядке: мы с папой возле окон, моя девятилетняя сестра Эмили — посередине.

— В школу? — заводя двигатель, спрашивает меня водитель, медленно и четко выговаривая слова на китайском. Запах новой кожи и паров бензина наполняет замкнутое

* Дядя Ли, с кит. шушу — «младший брат отца». — Здесь и далее прим. перев.

пространство. Ли Шушу пробыл рядом уже достаточно долго, но все еще не уверен в моем уровне владения китайским.

— В школу, — подтверждаю я, старательно игнорируя спазмы в животе. Я и так ненавижу ходить в «Уэстбридж», а в дни родительских собраний — тем более. Если бы не тот факт, что Эмили посещает ту же самую школу и у нее тоже сегодня собрание, я бы обязательно придумала, как оставить нас всех дома.

Но уже слишком поздно.

Я откидываюсь на сиденье и прижимаюсь щекой к прохладному стеклу, наблюдая, как наш жилой комплекс становится все меньше и меньше, пока не исчезает полностью, сменившись шумной картиной города.

С тех пор как мы вернулись, это мой любимый способ проводить время в машине. Прилипнуть к окну и всматриваться в зигзаги пекинской линии горизонта, путаницу перекрестков и кольцевых дорог, яркие скопления ресторанчиков и переполненных гастрономов.

Пытаясь запомнить все это — точнее пытаюсь *вспомнить*.

Меня всегда удивляло, как обманчивы самые популярные фотографии Пекина. Они либо изображают город огромным постапокалиптическим миром, отравленным смогом и битком набитым людьми в дыхательных масках, либо показывают его похожим на нечто прямиком из высокобюджетного фантастического фильма: сплошь элегантные небоскребы, ослепительные огни и кричащая роскошь.

Снимки редко передают истинную энергию города, ту энергию, что бурлит везде, как дикое подводное течение. Кажется, все без исключений толкаются, спешат, стремятся

к большему, снуют туда-сюда: будь то курьер, лавирующий в потоке машин позади нас на скутере, навьюченном десятками коробочек с едой, или бизнесумен, лихорадочно с кем-то переписывающаяся в «мерсе» слева от нас.

Мое внимание привлекает песня известного китайского рэпера, заигравшая по радио. Через зеркало заднего вида замечаю, что Ма снимает очки и заметно морщится.

— Почему он издает эти звуки: «си-гэ си-гэ»? — спрашивает она секунды через три. — У него что-то в горле застряло?

Я давлюсь смехом.

— Так звучит современная музыка, — говорит Ба* по-китайски, как всегда дипломатично.

— Как по мне, это даже мило, — встречаю я, покачивая в такт головой.

Ма оглядывается на меня с равнодушно-хмурым видом:

— Не верти так головой, Ай-Ай. Выглядишь как цыпленок.

— В смысле, вот так? — Я качаю головой сильнее.

Ба прикрывает улыбку рукой, Ма цокает языком, а Эмили — мне всегда казалось, что на самом деле она восьмидесятилетняя старушка, заключенная в крошечном теле девятилетки, — выпускает долгий театральный вздох.

— Подростки, — бормочет она.

Я подталкиваю ее локтем в ребра, на что она отвечает тычком, между нами завязывается шуточная борьба, которая прекращается, только когда Ма грозит накормить нас на ужин пустым рисом.

* Ба или Баба (кит.) — папа.

Если честно, именно в эти моменты — когда машину наполняет музыка, за окнами свистит ветер, послеполуденное солнце золотит деревья, а моя семья здесь, рядом со мной, — я чувствую... счастье. Подлинное, истинное счастье, вопреки всем переездам, расставаниям и новой жизни. Вопреки всему.

Глава вторая

Но вскоре мое настроение меняется.

Как только мы подъезжаем к воротам школы «Уэст-бридж», я осознаю роковую ошибку. Все одеты во что угодно, но только не в юбки и белые рубашки. Милые летние платья. Кроп-топы и джинсовые шорты. Преподаватели не уточнили, какой должна быть одежда, и я наивно предположила, что, как и в моей прошлой школе, все каждый день ходят в форме.

Когда мое семейство начинает выходить из машины, к горлу подкатывает приступ паники. Нет, конечно, у меня не будет *неприятностей* из-за того, что на мне надето, — просто я выгляжу глупо и буду выделяться. Как Бестолковая Новенькая — которой, по сути, и являюсь, но от этого не легче.

— Ай-Ай! — Ма стучит в окно. — Куайдянь!

«Шустрее».

Я быстро благодарю водителя и выхожу на улицу. Ну хотя бы погода хорошая: ветер утих, превратившись в мягкий шелковистый бриз, долгожданная передышка от жары. И небо! Красивое небо, сочетание пастельно-голубых и приглушенно-розовых оттенков.

Вдыхаю. Выдыхаю.

«Все будет хорошо, — говорю я себе. — Все хорошо».

— Идем, Баба, — говорит Эмили и тащит Ба в секцию кампуса начальной школы, ее стены выкрашены в яркие цвета. Тошнотворно яркие, если хотите знать мое мнение. — Ты обязан поговорить с мисс Хлоей. Я рассказала ей, что ты поэт и что раздаешь автографы в больших-больших книжных магазинах, — она та-а-а-ак впечатлилась! Сначала она мне не поверила, но я попросила ее погуглить твоё имя, и потом...

Со стороны кажется, что Эмили чувствует себя прекрасно. Потому что так и есть. Куда бы мы ни поехали, у сестренки ни разу не было проблем с адаптацией. Кажется, мы могли бы отправить ее в Антарктиду и спустя две недели найти тусующейся вместе с пингвинами.

Мы с мамой идем в противоположном направлении — туда, где находятся аудитории старших классов. В широких серых коридорах уже довольно много родителей и учеников — одни направляются внутрь, другие пробираются наружу. Как я и ожидала, глаза нескольких учеников задерживаются на моей плотной юбке и блейзере, который явно мне великоват. Прежде чем они отворачиваются, на их лицах мелькает смесь жалости и насмешки.

Я выпрямляю спину и поднимаю подбородок. Ускоряю шаг.

«Все хорошо».

Мы доходим до кабинетов старших классов слишком быстро.

Внутри шумно. Повсюду одноклассники; учителя ждут за столами начала занятий. Никто не здоровается со мной, и я отвечаю взаимностью.

Хотя занятия в школе начались почти месяц назад, я так ни с кем и не успела познакомиться. Все имена, лица и кабинеты просто слились воедино. Мы все равно выпустимся через год, ни к чему «привлекать к себе внимание», как любили говорить мои прежние учителя, и привязываться к людям, чтобы потом через несколько месяцев перестать общаться. Поскольку из-за маминой работы мы все время переезжаем, такое случается со мной постоянно: эта медленная, болезненная, чересчур предсказуемая трансформация из незнакомцев в приятелей или друзей и обратно в незнакомцев, как только очередная школа остается позади.

Я не мазохистка, чтобы проходить через это снова.

К тому же во всей моей параллели меньше тридцати учеников, и каждый из них уже явно выбрал себе компанию. Справа от меня группа девчонок визжит и обнимается так, словно с момента их последней встречи прошли годы, а не часы. Где-то поблизости другая компания что-то бурно обсуждает, переключаясь между тремя языками — английским, корейским и каким-то еще. Что ж, обычное дело для международной школы.

— Ах! А вот и вы!

Мой учитель английского и классный руководитель, мистер Ли (европеец, несмотря на фамилию), машет мне рукой, его глаза блестят за толстыми очками с громоздкой оправой. Его словно проклинали этим младенчески-круглым лицом и непослушными волосами с проседью, что в совокупности дает эффект, будто ему то ли слегка за тридцать, то ли хорошо за пятьдесят.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — говорит он бодро, указывая на пару стульев у своего стола. Затем пере-

ключает внимание на Ма, и его улыбка становится шире. Так смотрят на симпатичного малыша в парке. — А вы... мама Элизы, полагаю?

— Да. Я Ева Юй, — говорит Ма, тут же включая Жизнерадостный Деловой Тон, который использует при общении с белыми людьми, чтобы звучать «по-американски». Она протягивает руку с безупречным маникюром. — Приятно познакомиться.

Мистер Ли немного хмурит брови, пожимая ее ладонь, а затем хмурится сильнее, когда осознает силу рукопожатия. Я догадываюсь, что он пытается сопоставить свое впечатление от реальной Ма с теми стереотипными ожиданиями, которые у него появились, как только он обратил внимание на ее незападную фамилию.

Ма отпускает его руку первой и откидывается на спинку стула с легкой самодовольной улыбкой.

Я знаю: ей это нравится. Ей всегда нравилось удивлять людей — а это бывает часто, поскольку они вечно ее недооценивают. Одной из главных причин, по которой она занялась консалтингом, было шутливое замечание друга, что ей никогда не выжить в мире больших корпораций и многомиллионных счетов.

— А теперь... — Мистер Ли прочищает горло и снова поворачивается ко мне. — Поскольку ты здесь новенькая, давай я еще раз быстро повторю правила, хорошо? — Он не ждет, пока я отвечу. — А потом минут десять я поговорю с твоей мамой о твоей текущей успеваемости на уроках английского, твоём отношении к учебе, предметах, на которые стоило бы обратить внимание, — и все такое прочее. Так вот, правила: не перебивать, не задавать вопросов и не отвлекать нас, пока я не закончу и не обращусь к тебе. Это ясно?

Мое лицо становится каменным.

И после этого у кого-то остаются вопросы, почему для подростков не существует авторитетов среди взрослых?

— Смотрю, ты быстро схватываешь, — весело говорит мистер Ли, махая рукой перед самым моим носом.

Я продолжаю смотреть в пустоту.

В другом конце комнаты вдруг замечаю парня, чье лицо мне точно знакомо.

Кэз Сонг.

На самом деле практически невозможно не знать, кто он такой. Модель. Актер. Бог — судя по тому, как все им восхищаются и следят за каждым его перемещением. Что странно, ведь он никогда ничего не *делает*, просто ошивается где-то поблизости, как всегда до неприличия смазливый. Даже сейчас, в этом унылом классе под взглядами учителей вокруг него уже собралась внушительная толпа школьников с разинутыми ртами. Одна девочка хватается за бок, истерически смеясь над его фразой, которая, скорее всего, даже не была шуткой.

Борюсь с желанием закатить глаза.

Я искренне не понимаю ажиотажа вокруг него — ничего, кроме приятной внешности. Но да, есть определенная элегантность в его линии подбородка, слегка пухлых губах, резких очертаниях худощавой фигуры. В его темных волосах и еще более темных глазах. Черты его лица нельзя назвать ангельски прекрасными и все такое, но вместе они работают.

Однако у меня есть ощущение, что он знает об этой своей особенности так же хорошо, как и обожающие его фанатки, и это все портит. Ну и конечно же, его любят журналисты: буквально на днях я наткнулась на статью,

автор которой назвал его одной из «восходящих звезд китайского шоу-бизнеса».

Сейчас он стоит прислонившись к дальней стене и сунув руки в карманы. Похоже, это его обычное состояние: подпирать что-либо — двери, шкафчики, парты, что угодно, — ему лень стоять самостоятельно?

Кажется, я таращилась слишком долго, слишком пристально. Чувствуя мой взгляд, Кэз поднимает голову.

Быстро отвожу глаза. Снова включаюсь в беседу — как раз вовремя, чтобы услышать, как мистер Ли говорит:

— Ее английский довольно хорош...

— Ну, вообще-то, английский я выучила еще в детстве, — подчеркиваю я прежде, чем успеваю себя одернуть. Годы снисходительных комментариев о том, насколько «хорош» мой английский, и что у меня «даже нет акцента», при этом почти всегда произносимых с ноткой удивления, если не растерянности, выработали этот рефлекс.

Мистер Ли моргает, глядя на меня. Поправляет очки.

— Точно...

— Просто решила напомнить. — Я откидываюсь на спинку стула. Должна ли я ощущать триумф? Или все-таки вину за то, что перебила его? Вдруг учитель имел в виду «Она-и-правда-хорошо-разбирается-во-временах», а не «Не-ожидал-что-люди-с-ее-внешностью-вообще-говорят-по-английски»?

Похоже, Ма склоняется к первому варианту, потому что тут же бросает на меня уничтожающий взгляд.

— Простите. Продолжайте, — бормочу я.

Мистер Ли обращается к Ма:

— Итак, если вы не возражаете, мне любопытно узнать немного о прошлом Элизы. До того, как она приехала сюда...

Ма кивает. Она привыкла к подобному, поэтому начинает уже отработанную речь: «Родилась в Китае, уехала в возрасте пяти лет, ходила в такую-то и в такую-то школу и снова переезжала из одной страны в другую...»

Я стараюсь не ерзать на стуле и не предпринимать попыток к бегству, но это непросто. Когда обо мне говорят в таком ключе, все зудит с ног до головы.

— Самое замечательное, что она жила везде! Так что ее дом может быть где угодно. — Мистер Ли широко разводит руки в жесте, который, кажется, означает «где угодно», и при этом опрокидывает коробку салфеток. Повисает неловкое молчание. Затем он поднимает ее и — невероятно, но факт — продолжает с того же места, на котором остановился: — Вам следует знать, что Элиза — не гражданка одной страны и даже одного континента, а скорее...

— Если он скажет «гражданка мира», меня вырвет, — бормочу я себе под нос, достаточно тихо, чтобы не быть услышанной.

Мистер Ли наклоняется вперед.

— Прости, что?

— Ничего. — Я мотаю головой. Улыбаюсь. — Ничего. Краткая пауза.

— Ну, раз уж мы говорим о жизни Элизы... — деликатно и робко говорит мистер Ли (кажется, я знаю, что за этим последует). — Я правда тревожусь, что ей нелегко... освоиться.

У меня перехватывает дыхание.

Вот. Вот поэтому я ненавижу родительские собрания.

— Освоиться, — нахмурившись, медленно повторяет Ма, хоть и не выглядит особо удивленной. Просто грустной.

— Похоже, она пока не нашла общий язык ни с кем из класса, — уточняет мистер Ли. Ребята, ведущие разго-

вор на трех языках, выбирают именно этот момент, чтобы разразиться громким смехом; звук отражается от всех четырех стен. Мистер Ли повышает голос, почти выкрикивая: — То есть меня правда беспокоит, что у нее до сих пор нет друзей здесь.

К несчастью для меня, на середине его фразы уровень шума вновь снижается.

Разумеется, все слышат всё до последнего слова. Повисает неловкая пауза. Около тридцати пар глаз прожигают дыры в моем черепе. Мое лицо вспыхивает.

Встаю с места, мысленно морщась, когда ножки стула со скрипом царапают полированный пол, и что-то мямлю насчет того, что мне нужно в туалет.

И как можно быстрее сматываюсь оттуда.

В свое оправдание скажу, что обычно я довольно хорошо — можно сказать, мастерски — владею своими чувствами и могу отключаться от всего, но иногда меня настигает оно: это ужасное, сокрушительное ощущение неправильности, чужеродности. Без разницы, единственный ли я ребенок-азиат в элитной женской католической школе в Лондоне или единственный новичок в крохотном классе выпускников китайской международной школы. Порой мне кажется, что так и проведу остаток своей жизни. Одна.

Иногда я думаю, что одиночество — моя настройка по умолчанию.

К счастью, полутемный коридор кампуса пуст. Я забиваюсь в самый дальний угол, сползаю по стене вниз и достаю смартфон. В течение минуты бездумно листаю ленту соцсетей. Перебираю пальцами фенечку из грубых нитей, повязанную вокруг запястья, — подарок Зои, — позволяя ей успокоить меня.

«Все будет хорошо».

Затем открываю сайт «Крейнсвифта».

Я открыла его для себя пару лет назад, взяв одну из листовок на лондонском вокзале, и с тех пор читаю его регулярно. Большим количеством читателей он похвастаться не может, зато качеством редакционных материалов и репутацией — вполне. В принципе, все, кому когда-либо посчастливилось опубликовать свои статьи в «Крейнсвифте», достигли успеха, о котором можно только мечтать: премии в области журналистики, престижные нью-йоркские стипендии для авторов публицистики, международное признание. И все благодаря словам — элегантным и глубоким.

Писательство меня по-настоящему трогает. Красивая фраза способна проникнуть под кожу и вызвать душевный отклик, подобно отрывку музыкального произведения или сцене фильма. Хорошо продуманная история способна заставить меня смеяться, затаить дыхание или плакать.

Вчитываюсь в одно из недавних эссе, опубликованных под знакомым светящимся синим баннером сайта. Оно о соединении родственных душ, которым посчастливилось повстречаться в самых неожиданных местах. Через пару предложений ощущаю, как оцепенение, сковавшее мои плечи отступает, а напряжение в теле уходит...

Со скрипом открывается дверь аудитории, выпуская шум, доносящийся изнутри.

Я замираю и, прищурившись, всматриваюсь. Выходит Кэз Сонг. Один. Взгляд его скользит мимо, как будто я вообще не здесь. Кэз выглядит расстроенным.

— ...все тебя ждут, — говорит он. Между его бровей залегла тень, голос неожиданно резкий. Он всегда казался мне манекеном, сошедшим прямо с обложки журнала:

глянцевый, отретушированный и холодный. Но прямо сейчас он возбужденно расхаживает по кругу, его шаги такие легкие, что почти не издают звуков. — Это встреча с родителями. Я не могу прийти на нее один.

На мгновение я решаю, что Кэз разговаривает сам с собой или тренирует какую-то странную актерскую технику, но затем слышу приглушенный женский голос, доносящийся из динамиков его телефона:

— Знаю, знаю, но я сейчас очень нужна пациенту. Не мог бы ты сказать учителю, что в больнице кое-что случилось? Хао эрцзы, тинхуа. — «Хороший ребенок. Слушайся». — Возможно, мы сумеем перенести встречу на следующую неделю — как было в прошлый раз, помнишь?

Я наблюдаю, как Кэз делает вдох. И выдох. Когда он заговаривает снова, голос его удивительно спокоен.

— Все в порядке, мам. Я... скажу им. Уверен, они поймут.

— Хао эрцзы, — снова говорит женщина, и даже с такого расстояния мне слышен шум на заднем плане. Лязганье металла. Сигналы больничного монитора. — Ах да, кстати — что они сказали про заявки в колледж?

Заявки.

Я прокручиваю в голове услышанное. Для меня это новость. Я-то думала, что такие, как Кэз, не учатся в колледже, они строят актерскую карьеру.

Но в этот самый момент наша Восходящая-Звезда потирает челюсть и говорит:

— Все... в порядке. Они говорят, что если я напишу действительно впечатляющее вступительное эссе, это сможет компенсировать мои оценки и посещаемость...

Из динамиков доносится вздох.

— Что я говорила, а? Сначала оценки, в первую очередь оценки. Думаешь, приемную комиссию колледжа заинтересует, что ты сыграл главную роль в школьном театре? Думаешь, они вообще знают каких-нибудь азиатских звезд кроме Джеки Чана? — Прежде чем Кэз успевает ответить, его мать снова вздыхает. — Ладно, проехали. Теперь уже слишком поздно. Просто сосредоточься на эссе — ты же почти закончил, да?

Может, мне так показалось из-за тусклого света в коридоре, но я уверена, что вижу, как Кэз морщится.

— Вроде того.

— Что значит «вроде того»?

— Я... — Он стискивает зубы. — Мне еще нужно продумать, составить план и... написать его. Но я справлюсь, — быстро добавляет он. — Обещаю. Правда, мам. Я тебя не подведу.

Следует долгое молчание.

— Хорошо. Ладно, мне пора, меня зовет пациент, но скоро поговорим, ладно? И *обязательно сосредоточься на эссе*. Если ты отнесешься к нему хоть в половину так же серьезно, как к запоминанию сценариев, тогда...

— Я понял, мам.

Что-то вроде тревоги на мгновение искажает его черты, когда он завершает звонок.

Затем, развернувшись, чтобы уйти, он замечает меня, сидящую на корточках в сумраке коридора, и ловит мой взгляд второй раз за этот день.

— Ох, — говорит он.

В то же самое время я встаю и выдаю:

— Извини!

Мы продолжаем, перебивая друг друга:

— Я не видел...

— Честно, я не пыталась...
— Это круто...
— Мне как раз нужно идти в...
— Ты же Элиза, верно? Элиза Линь?
— Да, — говорю я медленно и даже сама слышу настороженность в собственном голосе. — А что?

Он приподнимает одну бровь, следы тревоги уже начисто исчезли с его лица. Как-то подозрительно быстро — может, у меня галлюцинации?

— Ничего. Просто стараюсь быть дружелюбным.

Безобидный ответ. Вполне разумный.

И все же...

У нее до сих пор нет друзей здесь.

— Ты... слышал, что сказал мистер Ли? — Жалею в ту же секунду, как только эти слова слетают с моих губ. Хочется стереть это мгновение. Есть определенные вещи, о которых лучше не упоминать, даже если оба собеседника в курсе проблемы. Например, прыщи. Или классный руководитель, заявляющий перед всеми, что у тебя нет друзей.

Тот факт, что новые друзья мне, вообще-то, не нужны, ни на что не влияет.

На секунду Кэз задумывается. Прислоняется к ближайшей стене, так что оказывается ко мне вполоборота.

— Ага, — признает он. — Слышал.

— Надо же!

— Что?

Я издаю неловкий смешок.

— Думала, ты соврешь. Ну, знаешь. Чтобы пощадить мои чувства, или что-то в этом роде...

Вместо того чтобы продолжить тему, он наклоняет голову и настороженно спрашивает:

— Слышала, как я говорил по телефону?

— Нет, — отвечаю я, не подумав, но тут же начинаю мямлить: — Ну почти...

— Очень мило, что ты пытаешься пощадить мои чувства, — говорит он. В его голосе столько иронии, что мне хочется испариться на месте.

Меня посещает ужасающая мысль: а если он подумал, что я его фанатка? Охотница за айдолами? Еще одна наивная влюбленная одноклассница, из тех, что ходят за ним хвостом? Поджидаю его тут по углам, чтобы привлечь внимание. Я и сама много раз видела, как это бывает: ученица прячется за мусорным баком или стеной — и, оп! — тут же выскакивает на Кэза, стоит ему завернуть за угол.

— Я не хотела подслушивать, — говорю я в отчаянии, поднимая обе руки вверх. — Я даже не знала, что ты придешь сюда.

Он пожимает плечами, его лицо невозмутимо.

— Хорошо.

— Честно! — почти молю я. — Клянусь тебе!

Он смотрит на меня долгим взглядом.

— Я же сказал: «хорошо».

Но по его голосу не скажешь, что он поверил мне до конца. Мою кожу покалывает, смущение и раздражение согревают щеки. Видимо, чтобы испортить все окончательно, я произношу:

— Я не... я даже не фанатка.

Проходит секунда, на миг его лицо принимает выражение, которое трудно прочесть. Что это, удивление? Я чувствую, как внутри все переворачивается, а сердце стучит так сильно, что вот-вот выпрыгнет наружу.

— Приятно это знать, — говорит он наконец.